

Марк Твен

Mark Twain

Похождения Тома Сойера

**The Adventures
of Tom Sawyer**

Перевод Энгельгардта М.А.

Учебное пособие

Метод параллельных текстов

**НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

УДК 811.111
ББК 81.2 Англ-93
М27

М27 **Марк Твен.** Том Сойер = Mark Twain. The Adventures of Tom Sawyer.
Учебное пособие. Метод параллельных текстов А.М. Кушнира. — М.: Народное образование,
2022. — 300 с.

ISBN 978-5-91447-213-6

Учебное пособие для изучения английского языка методом параллельных текстов. «Параллельные тексты» являются составной частью природосообразной модели обучения, разработанной психологом Алексеем Кушниром. Принципиальное отличие этой модели в том, что в её основе лежит не лингвистика, а закономерности психофизиологии — механизмы работы мозга, психики, личности. Человек осваивает что бы то ни было благодаря именно этим механизмам, а не сообразно предметной парадигме математики, географии или лингвистики. Именно поэтому переход на природосообразные алгоритмы обучения позволяет значительно увеличить эффективность учебного процесса. Пособие предназначено для использования в учебном процессе, а также для самообразования.

ISBN 978-5-91447-213-6

ББК 81.2 Англ-93

© Пер. Энгельгардт М.А., 2022
© Народное образование, 2022

Моим учителям посвящается...

Вы держите в руках учебную книгу, которая является частью проекта «EnglishUpSelf». Это глубоко личный проект, поскольку стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но как оказалось, была некая преддрешённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду я на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были ровные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла повсеместная борьба за «средний балл». Это что-то вроде вселенской войны за баллы ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, видимо, приняли во внимание заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка парни!».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же весь извёлся сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой. К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий-четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно нравилось токарное дело... И мыслил я так, что незачем тратить время на алгебру или историю, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка по немецкому терзала и требовала реванша, и терзания те привели прямиком на факультет иностранных языков.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен... Преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Товарики по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась день и ночь... Мозг изворотливо искал виновных, подсказывал чьи-то просчёты в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог вошёл в русло дотошного анализа и поиска. И я пришёл к выводу, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим в гостях у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку «Алиготе» за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!?! «Три товарища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с книгой на «домашке», препарируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали

и переводили... Немецкий пока ещё так себе, анатомы-препараторы те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джером К. Джерома на русском не выдают. Не я первый, значит.

«Per aspera ad astra...», это принципиально!

Недолго думая попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С окна третьего этажа общежития на тротуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая растаявшие остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. Я не по-детски ругнулся залпом... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40.

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться.

Постепенно выстраивался алгоритм беспроblemного, лёгкого освоения иностранного языка, который окончательно оформился в метод обучения к концу второго курса. Теперь у меня было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло. Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении нас, но увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили.

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так я впервые, в 1978-м, оформил свои методические мысли письменно. И только в 1997 году мне удалось повторить этот «подвиг». В качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного языка».

Мне, студенту, удалось разработать эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», довелось много позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике по улице Сивцев Вражек, на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это был действующий кандидат в члены ЦК КПСС... Разговорились. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысках. Удивительно то, насколько ему всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих собеседников в моей

жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голосов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтовик, в ходе обсуждения высказал абсурдную на первый взгляд мысль: «А что же делать с передачами на немецком, английском языках? Как их глушить?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост. Он попросил капитана пояснить свой вопрос. «У нас на фронте, кто призвался после средней школы, сразу становились переводчиками...», — ответил капитан. Присутствующие на совещании фронтовики подтвердили массовость этого факта. И к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки. Настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный». В считанные недели, месяцы из обихода и библиотек исчезла методическая литература по «устаревшей методике», а переподготовку прошли все учителя страны. С тех пор в СССР и в России язык все учат, но никто не знает. Таким образом, неэффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков.

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по западным лекалам. Но и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно непригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и некоторых успешных спецопераций, и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Дело в том, что для нас эта история типична, она встречается в судьбе любой инновации и каждого изобретателя в нашей стране.

Да, действительно, ещё тогда, в 70-х, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Моими испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный тогда алгоритм учебной

работы по-прежнему недостижимы по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет? Это и есть причина рассказывать эту историю.

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмотрите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в предисловии к учебной книге? Не знаю! Иногда мне кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех углах...

Вспомните начало 90-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства, несколько лет творческого полёта в будущее! Думали, теперь это навсегда... Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР ему и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас как от чумного. Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцарцев, сингапурцев и прочих америк, то welcome...

Что с нами?

Может, не сетовать на «особенности национальной инновации» да не ныть про всеобщую инновационную тупость, а выпекать эти «методические пирожки» и делом обосновывать достоинства подхода?

Несколько слов надо сказать об аналогах. Такие и похожие книги есть, достаточно давно выпускаются, но используются иначе, в рамках другой методологии. В нашей системе обучения книги с подстрочником используются несколько иначе, но об этом — отдельно. Пишите: kushnir-narobr@yandex.ru

Итак, перед вами учебная книга. Инструкция к ней проще простого: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, о чём это, подглядывайте в подстрочный перевод. От книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Перевод текста принадлежит Михаилу Александровичу Энгельгардту (1861–1915) — русскому писателю, литературному критику, публицисту, социологу, переводчику. М.А. Энгельгардт учился в Санкт-Петербургском университете; за участие в студенческих беспорядках был выслан в имение отца Батищево Смоленской губернии на 8 лет. В 1888 году М.А. Энгельгардту разрешено вернуться в Петербург, но до 1893 года он находился под негласным надзором. Состоял постоянным сотрудником «Новостей» и др. изданий и секретарём редакции «Хозяина». Отдельно изданы им биографии Кювье, Дарвина, Гумбольдта, Гарвея, Лайелля, Коперника, Пастера, Лавуазье, Пржевальского в «Биографической Библиотеке» Павленкова; «Письма о земледелии» (Санкт-Петербург, 1899); «Вечный мир и разоружение»; «Прогресс, как эволюция жестокости» (Санкт-Петербург, 1899); «Леса и климат» (Санкт-Петербург, 1902), а также переводы из Дж. Локка, Э. По, Р. Киплинга, О. Фореля, Ф.Т. Маринетти, Г. Флобера, Д.К. Джерома, Ч. Диккенса, Э. Золя, Ф. Марриета, М. Твена. В начале 1900-х годов М.А. Энгельгардт сотрудничает в эсеровской периодической печати, сближается с эсерами-максималистами и публикует ряд статей и брошюр с обоснованием возможности социалистической революции. Хотя М.А. Энгельгардт не принимал участия в практической деятельности максималистов, но за сотрудничество в партийной печати он в 1906 году был привлечён к суду и был вынужден скрываться в Финляндии. Осенью 1913 ему было разрешено вернуться в Петербург, где он скончался в 1915 году.

Алексей Кушнир

Mark Twain

Марк Твен

The Adventures of Tom Sawyer

Похождения Тома Сойера

CHAPTER I

Глава I.

Y-o-u-u Tom-Aunt Polly Decides Upon her Duty – Tom Practices Music

Эй, Том! – Тётя Полли поступает по внушению долга. – Том

– The Challenge – A Private Entrance

упражняется в музыке. – Вызов. – Через окошко.

“TOM!”

– Том!

No answer.

Ответа не было.

“TOM!”

– Том!

No answer.

Ответа не было.

“What’s gone with that boy, I wonder? You TOM!”

– Куда подевался этот мальчишка, не постигаю! Том!

The old lady pulled her spectacles down and looked over them about the

Старая леди опустила очки и взглянула поверх них, осматривая комнату,

room; then she put them up and looked out under them. She seldom or never

потом приподняла очки и взглянула из-под них.

Сквозь очки она редко или

looked through them for so small a thing as a boy; they were her state pair, the

никогда не смотрела на такую мелочь, как мальчик,

так как это была её парадная пара,

pride of her heart, and were built for “style,” not service – she could have seen

гордость её сердца, заведённая ради моды, а не для употребления;

она с одинаковым успехом

through a pair of stove-lids just as well.

могла бы смотреть сквозь пару печных заслонок.

She looked perplexed for a moment, and then said, not fiercely, but still

С минуту она озиралась с недоумением, затем сказала без гнева, но достаточно

loud enough for the furniture to hear:

громко, чтобы мебель могла её слышать:

“Well, I lay if I get hold of you I’ll –”

– Ну, попадись ты мне, я...

She did not finish, for by this time she was bending down and punching
Она не закончила, так как в это время нагнулась, чтобы засунуть щётку под
under the bed with the broom, and so she needed breath to punctuate the punches
кровать, и ей пришлось перевести дух, как бы поставить точку своим усилиям.
with. She resurrected nothing but the cat.

Она потревожила только кота.

“I never did see the beat of that boy!”

– Никогда мне не сладить с этим мальчишкой.

She went to the open door and stood in it and looked out among the
Она подошла к открытой двери и выглянула в садик, всматриваясь в
tomato vines and “jimpson” weeds that constituted the garden. No Tom. So she
заросли томатов и дурмана. Тома не было. Тогда она
lifted up her voice at an angle calculated for distance and shouted:
повысила голос в расчёте на дальнее расстояние и крикнула:

“Y-o-u-u TOM!”

– То-о-ом!

There was a slight noise behind her and she turned just in time to seize a
Позади неё послышался лёгкий шум, и она обернулась как раз вовремя, чтобы
small boy by the slack of his roundabout and arrest his flight.
поймать за ворот маленького мальчугана и помешать ему удрать.

“There! I might ’a’ thought of that closet. What you been doing in

– Вот ты где! Я и забыла о чулане. Что ты там делал?

there?”

“Nothing.”

– Ничего.

“Nothing! Look at your hands. And look at your mouth. What is that

– Ничего?.. Посмотри-ка на свои руки, посмотри на свои губы. Что это такое?

truck?”

“I don’t know, aunt.”

– Не знаю, тётя.

“Well, I know. It’s jam – that’s what it is. Forty times I’ve said if you

– А я знаю. Это мармелад, вот что это такое. Сколько раз я тебе говорила, что,

didn’t let that jam alone I’d skin you. Hand me that switch.”

если ты будешь трогать мармелад, я тебя выдеру. Поддай хлыст.

The switch hovered in the air – the peril was desperate –

Хлыст взвился в воздухе. Опасность грозила неминуемая.

“My! Look behind you, aunt!”

– Ай!.. Взгляните назад, тётя!

The old lady whirled round, and snatched her skirts out of danger. The
Старая леди повернулась и машинально схватилась за свои юбки, спасая их, а
lad fled on the instant, scrambled up the high board-fence, and disappeared over
мальчуган моментально задал стрекача, вскарабкался на высокий забор и исчез за ним.
it.

His aunt Polly stood surprised a moment, and then broke into a gentle
Тётка Полли с минуту стояла в недоумении, а затем благодушно рассмеялась.
laugh.

“Hang the boy, can’t I never learn anything? Ain’t he played me tricks
– Пора бы мне знать этого негодного мальчишку. Сколько уж раз он устраивал
enough like that for me to be looking out for him by this time? But old fools is the
такие же штуки, чтобы отвлечь от себя моё внимание. Но старые дураки
biggest fools there is. Can’t learn an old dog new tricks, as the saying is. But my
неисправимы. Старую собаку не выучишь новым штукам, говорит пословица. И то
goodness, he never plays them alike, two days, and how is a body to know what’s
сказать, ведь он каждый раз выдумывает что-нибудь новое, изволь тут за ним угнаться.
coming? He ’pears to know just how long he can torment me before I get my
Он как будто знает, сколько времени меня можно мучить, прежде чем я
dander up, and he knows if he can make out to put me off for a minute or make me
рассержусь; знает и то, что если ему удастся рассмешить меня, то его дело в шляпе, и у
laugh, it’s all down again and I can’t hit him a lick. I ain’t doing my duty by that
меня не хватит духу задать ему трётку. Я не исполняю своего долга по
boy, and that’s the Lord’s truth, goodness knows. Spare the rod and spile the
отношению к этому мальчику, видит Бог, не исполняю. Кто жалеет розгу, тот губит
child, as the Good Book says. I’m a laying up sin and suffering for us both, I know.
ребёнка, говорит мудрая книга. Я возвращаю грех и погубель для нас обоих, это как Бог свят!
He’s full of the Old Scratch, but laws-a-me! he’s my own dead sister’s boy, poor
В мальчишке сидит бес, но как же мне быть-то! Ведь он, бедняжка, сын покойной
thing, and I ain’t got the heart to lash him, somehow. Every time I let him off, my
сестры, и у меня не хватает духу его сечь. Всякий раз, как спущу ему,
conscience does hurt me so, and every time I hit him my old heart most breaks.
меня мучает совесть; а как побью, моё старое сердце готово разорваться. Ну,
Well-a-well, man that is born of woman is of few days and full of trouble, as the
что поделаешь, человек, рождённый женою, краткодневен и насыщен печалью, говорит
Scripture says, and I reckon it’s so. He’ll play hookey this evening, * and [*
Писание, и я думаю, так оно и есть. Сегодня вечером он прогуляет школу, и
Southwestern for “afternoon”] I’ll just be obleeged to make him work, tomorrow,
мне придётся завтра усадить его за работу, в наказание.
to punish him. It’s mighty hard to make him work Saturdays, when all the boys is
Жестоко заставляя его работать в субботу, когда все ребяташки гуляют,

having holiday, but he hates work more than he hates anything else, and I've got
но он ненавидит работу больше всего на свете, и мне надо же хоть сколько-нибудь исполнять
to do some of my duty by him, or I'll be the ruination of the child."
свой долг по отношению к нему, иначе я погублю этого ребёнка.

Tom did play hookey, and he had a very good time. He got back home
Том прогулял школу и провёл день очень весело. Он вернулся домой как
barely in season to help Jim, the small colored boy, saw next-day's wood and
раз вовремя, чтобы помочь Джиму, цветному мальчику, напилить дров на завтра и нацелать
split the kindlings before supper – at least he was there in time to tell his
лучины к ужину, – по крайней мере, вовремя для того, чтобы рассказать Джиму о своих
adventures to Jim while Jim did three-fourths of the work. Tom's younger brother
похождениях, пока Джим исполнил три четверти работы. Младший брат Тома
(or rather half-brother) Sid was already through with his part of the work (picking
(точнее сводный брат), Сид, уже кончил свою работу (сборание щепок), так
up chips), for he was a quiet boy, and had no adventurous, trouble-some ways.
как он был тихий мальчик, не сорванец.

While Tom was eating his supper, and stealing sugar as opportunity
Пока Том ужинал и по мере возможности таскал сахар, тётка Полли
offered, Aunt Polly asked him questions that were full of guile, and very deep –
предлагала ему вопросы, полные коварства и чрезвычайно глубокие, так как рассчитывала
for she wanted to trap him into damaging revealments. Like many other
вытянуть из него важные разоблачения. Подобно многим
simple-hearted souls, it was her pet vanity to believe she was endowed with a
простодушным существам, она немножко гордилась своим талантом в темной и
talent for dark and mysterious diplomacy, and she loved to contemplate her most
таинственной дипломатии и свои самые прозрачные намёки считала чудесами
transparent devices as marvels of low cunning. Said she:
тонкого подвоха.

“Tom, it was middling warm in school, warn't it?”

– Том, – сказала она, – в школе было довольно-таки жарко?

“Yes'm.”

– Да.

“Powerful warm, warn't it?”

– Очень жарко, правда?

“Yes'm.”

– Да.

“Didn't you want to go in a-swimming, Tom?”

– Небось, тебе хотелось выкупаться, Том?

A bit of a scare shot through Tom – a touch of uncomfortable suspicion.

Том встрепенулся, у него мелькнуло подозрение.

He searched Aunt Polly's face, but it told him nothing. So he said:

Он пристально взглянул на тётку Полли, но ничего не прочёл на её лице. Он ответил:

“No'm – well, not very much.”

– Нет... так себе, не очень.

The old lady reached out her hand and felt Tom's shirt, and said:

Старушка протянула руку и пощупала рубашку Тома.

“But you ain't too warm now, though.”

– Но теперь тебе не жарко, нет?

And it flattered her to reflect that she had discovered that the shirt was

Ей было лестно думать, как ловко она убедилась, что его рубашка суха, не

dry without anybody knowing that that was what she had in her mind. But in spite

дав никому понять, что это и было у неё на уме.

Но Том уже

of her, Tom knew where the wind lay, now. So he forestalled what might be the

сообразил, куда ветер дует, и поспешил предупредить новый возможный подвох с её

next move:

стороны.

“Some of us pumped on our heads – mine's damp yet. See?”

– Мы обливали головы у носаса, и мои волосы ещё не совсем высохли. Вот пощупайте.

Aunt Polly was vexed to think she had overlooked that bit of

Тётке Полли было досадно, что она упустила из виду эту маленькую

circumstantial evidence, and missed a trick. Then she had a new inspiration:

вещественную улику и дала маху.

Но тут на неё снова нашло вдохновение.

“Tom, you didn't have to undo your shirt collar where I sewed it, to

– Том, тебе ведь не нужно было распарывать ворот рубашки, чтобы намочить голову?

pump on your head, did you? Unbutton your jacket!”

Значит, он так и остался, как я его зашила. Растегни-ка куртку!

The trouble vanished out of Tom's face. He opened his jacket. His shirt

Всякий след беспокойства исчез с лица Тома. Он растегнул куртку. Воротник

collar was securely sewed.

оказался зашитым.

“Bother! Well, go 'long with you. I'd made sure you'd played hookey

– Ну, надо же!.. Ну, ступай себе. Я была уверена, что ты прогулял

and been a-swimming. But I forgive ye, Tom. I reckon you're a kind of a singed

школу и купался. Но я тебя прощаю. Том, я вижу, что ты немножко

cat, as the saying is – better'n you look. This time.”

образумился на этот раз.

She was half sorry her sagacity had miscarried, and half glad that Tom

Ей было отчасти досадно, что проницательность её подвела, но и приятно, что Том

had stumbled into obedient conduct for once.

оказался хоть раз послушным мальчиком.

But Sidney said:

Но Сидней сказал:

“Well, now, if I didn't think you sewed his collar with white thread, but

– Как же это, ведь вы, кажется, зашили ему воротник белой ниткой, а у него

it's black.”

чёрная.

“Why, I did sew it with white! Tom!”

– Да, я зашила белой! Том!

But Tom did not wait for the rest. As he went out at the door he said:

Но Том не стал дожидаться последствий. В дверях он сказал:

“Siddy, I’ll lick you for that.”

– Сидди, я тебя вздую за это.

In a safe place Tom examined two large needles which were thrust into

Находясь в безопасном месте, он осмотрел две иголки, приколотые

the lapels of his jacket, and had thread bound about them – one needle carried

за обшлагом его куртки, – одна с белой, другая с чёрной ниткой.

white thread and the other black.

He said: “She’d never noticed if it hadn’t been for Sid. Sometimes she

– Если бы не Сид, она бы ничего не заметила, – сказал он. – То она

sews it with white, and sometimes she sews it with black. I wish to geeminy she’d

зашивает белой, то чёрной ниткой. Надо бы за этим

stick to one or t’other – I can’t keep the run of ’em. But I bet you I’ll lam Sid for

смотреть, но я всегда забываю. Зато уж и вздую я Сиду.

that. I’ll learn him!”

Убей меня Бог, если не вздую.

He was not the Model Boy of the village. He knew the model boy very

Он не был примерным мальчиком деревни. Впрочем, он очень хорошо знал

well though – and loathed him.

примерного мальчика и терпеть не мог его.

Within two minutes, or even less, he had forgotten all his troubles. Not

Минуты две, или даже меньше, спустя, он уже забыл о своих неудачах. Не

because his troubles were one whit less heavy and bitter to him than a man’s are

потому, чтобы они были менее тяжелы и горьки для него, чем неудачи взрослых,

to a man, but because a new and powerful interest bore them down and drove them

но потому, что новый и мощный интерес овладел им и вытеснил их из его души;

out of his mind for the time – . just as men’s misfortunes are forgotten in the

так ведь и неудачи взрослых забываются в увлечении

excitement of new enterprises

новыми предприятиями.

This new interest was a valued novelty in whistling, which he had just

Это новое увлечение относилось к интереснейшему способу свиста, которому научил

acquired from a negro, and he was suffering to practise it un-disturbed. It consisted

его один негр. Теперь он хотел испытать его на досуге и без помехи. Нужно было

in a peculiar bird-like turn, a sort of liquid warble, produced by touching the

во время свиста прижимать язык к нёбу, через коротенькие промежутки времени, –

tongue to the roof of the mouth at short intervals in the midst of the music – the

выходило совсем как у птицы, длинная и звонкая трель.

reader probably remembers how to do it, if he has ever been a boy.

Читатель, вероятно, припомнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчиком.